

Ничего личного? Еще раз о трафаретности путешествий.

В докладе предполагается проблематизировать выражение «личные впечатления» применительно к материалам путешествий (преимущественно на основе русских травелогов рубежа XVIII - XIX веков). Тот факт, что взгляд и текст путешественника опосредован и детерминирован рядом факторов (картиной мира, категориальным аппаратом, инокультурными стереотипами, языком описания, жанровым каноном), позволяет задаться вопросом о том, насколько *личными* являются впечатления, зафиксированные в травелогах. Если эти *впечатления* порождены и/или обусловлены скорее традицией (культурной, научной, литературной), чем уникальным индивидуальным сознанием, то какая *личность* стоит за ними, насколько вообще содержательно данное выражение и что оно может значить в рассматриваемом контексте?

Жбанкова Елена Васильевна²

«Москва и Ереван сегодня: личные впечатления»

В сообщении речь пойдет о личных впечатлениях профессора Московского университета, преподающего в филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в Ереване. Впечатления возникают от разных сторон жизни современной Армении: революционные события весны 2018 г., студенческая молодежь Еревана, армянское культурное наследие, бытовой уклад столичного города и провинции, армянская национальная кухня и пр. Будет сделана попытка сформулировать и

---

¹ К.и.н., с.н.с. ИЭА РАН.

² Д.и.н., профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Т. 8-903-237-11-19. evzbankova@mail.ru

объяснить проблемы, возникающие в ходе межкультурной коммуникации между представителями армянской культуры и русской.

Певцов Григорий Дмитриевич³

«Слово о полку Игореве» в сюрреалистическом контексте Филиппа Супо

В докладе отражен и проанализирован взгляд известного французского поэта XX века Филиппа Супо, одного из основоположников сюрреализма, на выдающееся произведение не только древнерусской, но и мировой литературы – «Слово о полку Игореве», являющееся, по мнению многих известных деятелей мировой культуры, одним из самых значимых поэтических произведений всех времен и народов.

В предисловии к своему переводу «Слова», вышедшему в середине 20 века (1950 г.), Супо отмечает многочисленные достоинства шедевра средневековой, древнерусской, литературы и рассматривает некоторые важные аспекты «Слова» в контексте изложенного им сюрреалистического подхода к поэзии.

При этом автором проводятся также параллели и сравнения с соответствующими взглядами на поэтическое творчество французских символистов и поэтов круга Аполлинера.

Рассмотрению этого сюрреалистического контекста и посвящен доклад. Отношение французского поэта-сюрреалиста Филиппа Супо к величайшему произведению древнерусской словесности, безусловно, свидетельствует о единых истоках мировой поэзии, её общих глубинных корнях.

---

³ Союз писателей Москвы.

Россия в Первой мировой войне: взгляд Флоренс Харпер (по мемуарам «Неудержимая Россия»)⁵

В докладе интерпретируются наблюдения и оценки американской журналистки Ф. Харпер, касающиеся проблем участия России в Первой мировой войне, в условиях развернувшейся в стране Революции 1917 г. Представлен анализ ее мемуаров «Неудержимая Россия», опубликованных в США в 1918 г., где они получили положительные отзывы и высокую оценку общественности. В основе мемуаров – дневник Ф. Харпер, – документальное свидетельство очевидца процессов и событий войны и Революции 1917 г. в России.

Ф. Харпер прибыла в Петроград накануне Революции, в феврале 1917 г., и уехала из России в конце августа этого года. Она была свидетелем Февральских и других судьбоносных событий 1917 года, описывала свои посещения Кронштадта и фронта, впечатления и наблюдения в период работы в качестве хирургической сестры в полевом госпитале. В мемуарах Ф. Харпер дана характеристика настроений и поведения солдат русской армии, ситуации на фронте и в тылу, причин распространения большевизма. Автор включает в описание общую оценку и истолкование характера участия России в войне, причин неудач русской армии и разложения ее духа, обосновывает представления о «предательстве» и «германской интриге».

Мемуары позволяют реконструировать внутренний мир и черты личности Флоренс Харпер, ее убеждения, индивидуальный взгляд на события. Они ценны также для исследования опыта войны и Революции, проблемы взаимовосприятия народов, процесса формирования исторической памяти о войне. Мемуары Ф.

---

⁴ Д.и.н., проф., заведующая кафедрой истории и социальных технологий департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института УрФУ.

⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»)

Харпер – один из целой серии подобных документов, созданных участниками и современниками мирового конфликта, ставших источниками формирования исторической памяти о войне, в том числе мифов, образов этих событий в общественном сознании и коллективной памяти народов.

Малето Елена Ивановна⁶

**«Великое княжество Московское и Литва в первой половине XV столетия:
впечатление летописца».**

XV век стал определенным рубежом в истории средневековой Руси. Она постепенно превращалась в Россию. К середине XV столетия владения великого княжества Московского существенно расширились за счет присоединения близлежащих земель и княжеств (Нижегородское -1392 г.; Муромское, Тарусское, Мещера – земли между левым берегом р.Оки и правым берегом р.Пра (левого притока Оки); земли уделов можайского князя Ивана Андреевича – 1556 г., серпуховского князя Василия Ярославича и др) .

Первая половина XV века характеризуется не только дальнейшим усилением московского государства. но и с одним из самых драматичных периодов в истории средневековой Руси – феодальной войной. В силу этих обстоятельств и внутривосточное, и внешнеполитическое положение Руси изменилось: наметился переход от удельной дипломатии к дипломатии Москвы, как лидера будущего централизованного государства, что наиболее ярко отразилось в Московском великокняжеском летописном своде XV столетия.

Немалое место в сообщениях летописцев занимают известия о Литве, точнее – о Великом княжестве Литовском – ближайшем соседе и сопернике Москвы. Анализу этих известий и будет посвящен научный доклад на «круглом столе».

---

⁶ Д.и.н., с.н.с. ИРИ РАН, Центр Россия в международных отношениях.

Беляков Андрей Васильевич⁷

Ногайские мирзы в России XVI в.

Продвижение России на восточном направлении имели разные сценарии. Здесь были как прямые военные захваты, как в случае с Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, так и применение политики мягкой силы, как в случае с Ногайской Ордой. На протяжении всего XVI в. ногайские мирзы, неоднократно выезжали в Московское государство. Здесь они как дети и внуки владетельных государей (биев Ногайской Орды) занимали высокое положение. Особенно это касалось тех из них, кто со временем принял православие.

Станков Кирилл Николаевич⁸

Религиозная ситуация в Англии накануне "Славной революции" глазами русского дьяка (по материалам миссии В.Т. Постникова 1687 г.)

Статейные списки и другие дипломатические документы с давних пор являются предметом пристального изучения историков. Однако применительно к XVII веку относительно мало изучена проблема религиозной жизни стран Западной Европы в освещении русских дипломатов. Настоящее сообщение посвящено религиозной жизни Англии в конце XVII вв. В качестве конкретного материала избран статейный список дьяка Посольского приказа Василия Тимофеевича Постникова, который был составлен им в ходе дипломатической миссии в Англию в 1687 г.

---

⁷ Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН

⁸ К.и.н., старший преподаватель ПСТГУ.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на неточность атрибуции этого документа в историографии. Ранее он связывался с мнимой миссией якобы предшественника В.Т. Постникова – некоего дьяка Василия Михайловича Михайлова⁹.

Досадная ошибка была, вероятно, допущена архивариусом при составлении описи фонда 35 («Сношения России с Англией») Российского государственного архива древних актов (далее - РГАДА), в которой дело № 20 было обозначено как «Статейный список посланника дьяка Василия Михайлова бытности его в Англии, Голландии, Флоренции и у бранденбургского курфюрства для склонения к союзу и вспоможению противу турок и татар»¹⁰. В действительности в составе Посольского приказа в то время не было такого дьяка, во всяком случае его не удалось обнаружить в биографическом справочнике «Служилая бюрократия в России XVII века (1625-1700)»¹¹. Был дьяк Борис Михайлов, который в том же 1687 г. предпринял дипломатическую миссию, но только не в означенные страны, а в Данию и Швецию. Документы, связанные с его посольством, отложились в том же деле № 19 фонда 35. В деле № 19 источники миссии Б. Михайлова находятся «чересполосно» с подобными же документами посольства В.Т. Постникова. В деле № 20 отложились документы исключительно по миссии Василия Тимофеевича Постникова, в том числе составленный им в ходе посольства статейный список. Он содержит подробную информацию о внутреннем положении и международных контактах Англии, Нидерландов, Бранденбургского курфюршества и в целом о положении дел в северной Германии.

В связи с заявленной темой доклада для нас представляет ключевой интерес сведения источника, содержащие информацию о религиозной политике британского монарха Якова II и реакции на нее английского общества.

---

9 См. напр.: «Зело народ груб и противу Королевского Величества дерзок». Русский посол об Англии накануне переворота 1688 г. // Источник. 2002. № 5. С. 24-29.

10 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 20.

11 Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625-1700). Биографический справочник / ответственный составитель Г.А. Иванова. М., 2011. С. 356-363.

Русская миссия была направлена в Лондон с целью привлечения Британии к участию в Священной лиге против Турции. Русский посланник сообщает, что Якова II в деле борьбы с «общехристианским супостатом» сковывали внутренние проблемы, разгоревшиеся в правление этого монарха в его собственных владениях. В.Т. Постников отмечает, что Англия находится на пороге серьезного конфликта между королем Яковом II и его подданными.

Причины этого русский дьяк усматривает в нескольких факторах. Прежде всего – в религиозной составляющей в политике монарха: «англинской король един да с ним некоторые немногие сенаторы тайно римскую веру держат. А посполитой народ весь в калвинской и в протестантской вере. И за сие великое нелюбление на Кор[олевское] В[еличест]во имеют»¹². И далее: «Король римской веры, которая в Лондоне и во всей Англии в великой ненависти содержитца»¹³. Это сообщение в целом верно отражает остроту конфессионального конфликта в стране, однако содержит неточность – кальвинисты, как известно, составляли в Англии незначительное меньшинство (менее 10 %). Господствующим вероисповеданием было англиканство, к которому принадлежало 90 % населения. Католиков было всего 2 %.

В.Т. Постников выделяет наиболее важные шаги Якова II по распространению католицизма в своих владениях: восстановление католических часовен, приглашение в Англию иезуитов и папского нунция. Остановимся на этом подробнее. Русский посол сообщает об «учинении костелов». По всей видимости, в рассматриваемом источнике нашли отражение попытки Якова II создать в Лондоне несколько католических часовен. До восстановления католических храмов и соборов в краткое правления Якова II так и не дошло, однако личные заметки монарха позволяют предположить, что у него, кроме всего прочего, был план возрождения в Британии монастырей. По крайней мере, в своих мемуарах король сообщает, что в 1686 г. были заложены основы для создания в Лондоне мужского католического монастыря: при часовне дворца

---

12 Там же. Л. 229.

13 Там же.

Сент-Джеймс, где совершались католические мессы, «было поселено четырнадцать монахов-бенедиктинцев»¹⁴.

В.Т. Постников пишет, что Яков II пригласил в Англию «езуитов»¹⁵. Из британских источников известно, что оба духовника короля - Дж. Уорнер и Э. Питр - принадлежали к «Обществу Иисуса»¹⁶, причем последний был включен в состав Тайного совета, хотя, как отмечал сам король, «вопреки его собственному желанию и совету королевы» Марии Моденской¹⁷. Гилберт Бэрнет и Джон Рересби сообщают, что иезуитом был граф Каслмэйн, назначенный в 1687 г. послом Британии в Риме¹⁸. Как следует из мемуаров Якова II, годом ранее в Лондоне по личному указу короля иезуитам было разрешено открыть часовню и при ней «коллегию для обучения детей», в которую в первый же год «было принято двести католиков»¹⁹.

Приглашение в страну иезуитов было крайне негативно воспринято подданными. В частности, В.Т. Постников сообщает, что иезуиты «не смеют в своей обыкновенной одежде ходить, а по велению королевского величества ходят в аглинском платье с шпагами, боясь посполитства»²⁰.

Наконец, согласно сведениям Гилберта Бэрнета и Джона Рересби, Яков II в 1687 г. принял в Лондоне папского нунция - итальянского кардинала Д'Адда²¹. Итальянец был первым со времен Марии Тюдор представителем Рима в Британии. По этому случаю В.Т. Постников сообщает: «Пребывающему при нем папезскому послу во всем поведению превеликая волность дана»²². Возможно, в данном случае царский посланник имел ввиду предоставление Яковом II нунцию в качестве резиденции Виндзора²³.

---

14 Life of James the Second written by himself // Original Papers; containing the Secret History of the Great Britain, from the Restoration, to the Accession of the House of Hanover / ed. by J. Macpherson. L., 1775. Vol. 1. P. 149.

15 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 20. Л. 230.

16 Ogg D. England in the Reigns of James II and William III. Oxford, 1955. P. 164-165.

17 Life of James the Second written by himself // Original Papers... Vol. 1. P. 148.

18 Burnet G. Bishop Burnet's History of the Reign of King James the Second. Oxford, 1852. P. 187-191; Reresby J. The Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. L. 1734. P. 245, 274.

19 Life of James the Second Written by Himself // Original Papers... Vol. 1. P. 149.

20 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 20. Л. 229 об.

21 Reresby J. Op. cit. P. 245, 274; Burnet G. Op. cit. P. 187-191.

22 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 20. Л. 230.

23 Burnet G. Op. cit. P. 187-191; Reresby J. Op. cit. P. 245, 274.

Хотя отдельные факты и проблемы, отмеченные В.Т. Постниковым, верны, в целом основное направление религиозных реформ британского короля определено не совсем корректно. Царский посланник оказался под сильным влиянием английской антиправительственной пропаганды, вдохновлявшейся в значительной степени из Нидерландов и стремившейся настроить против католического монарха его протестантских подданных. Как следует из британских источников, главной целью религиозной политики Якова II была не Контрреформация, а установление религиозной веротерпимости, под которой понималось предоставление католикам и нонконформистам равных гражданских и политических прав с англиканами. Яков II начал свое правление с того, что в Англии и Шотландии выпустил из тюрем всех лиц, заключенных за религиозные убеждения, в том числе около 1,2 тыс. квакеров²⁴, в то время как в правление его предшественника - Карла II - было казнено и замучено около полутысячи последователей этого учения²⁵. В 1685 г. в беседе с нидерландским послом в Лондоне Арноутом ван Ситтерсом Яков II осудил отмену королем Людовиком XIV Нантского эдикта, запрещавшего во Франции исповедования кальвинизма. Британский монарх охарактеризовал данный шаг как политически непродуманный и антихристианский²⁶. Значительное недовольство французского двора вызвало то, что Яков II принял в своих владениях более 4 тыс. беженцев-гугенотов. Г.С. Гиббс отмечает, что в правление Якова II в Англию прибыло гугенотов почти в два раза больше, чем при их единоверце британском монархе Вильгельме III²⁷. Последнее не вызывает удивления, так как, согласно документам британского королевского правительства, Стюарт предоставил всем им британское подданство и право занимать государственные должности²⁸. Житель Лондона Нарцисс Латтрелл и шотландский мемуарист сэр Джон Лодер сообщают, что британский монарх также выделил из коронных доходов средства на оказание

---

24 Ashley M. The Glorious Revolution of 1688. Panther, 1968. P. 64.

25 Жук С.И. Вильям Пенн и основание Пенсильвании // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 117.

26 Ashley M. Op. cit. P. 63-64; Miller J. James II: a Study of Kingship. Hove, 1978. P. 144.

27 Gibbs G.C. The Reception of the Huguenots in England and the Dutch Republic // From Persecution to Toleration: the Glorious Revolution and Religion in England / ed. by O.P. Grell, J.I. Israel, N. Tyacke. Oxford, 1991. P. 278.

28 Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of James II. June, 1687 - February, 1689 / ed. by E.K. Timing. L., 1972. P. 252 (далее - CSPD).

материальной помощи прибывшим в его владения французским кальвинистам²⁹. Другой лондонец, Джон Ивлин, в своем дневнике оставил уникальную запись о том, что в 1688 г. Яков II включил в состав английского Тайного совета индипендентов («полковника Титэса, сэра Генри Вэйна и некоторых других») ³⁰ - представителей секты, повинной в казни его отца Карла I. Во время Пуританской революции середины XVII в. они показали себя самыми непримиримыми противниками института монархии, но, тем не менее, заслужили благоволения веротерпимого короля.

В статейном списке В.Т. Постников упоминает о еще одной важной проблеме, связанной с религиозным вопросом – об английском парламенте. Глава русской миссии сообщает: «А Королевское Величество в супротивление им с французского поведения у них подданных своих исконно бывый парламент в Англии, по тому их жестокосердию до конца искореняет»³¹. Эта заметка требует комментированного уточнения. В действительности Яков II стремился не искоренить сословное представительство, а подтасовать выборы в него. Яков II с помощью различных мер пытался перетасовать состав городских корпораций в Англии таким образом, чтобы основное большинство мест в них досталось сектантам. Это давало возможность провести в будущий парламент такое количество нонконформистов, которое было бы достаточно, чтобы принять отмену карательных законов против католиков и «Тест-Актов»³². Последние серьезно ущемляли права как единоверцев короля, так и диссентеров³³.

С вопросом о парламенте связана еще одна проблема политической жизни Англии, также отраженная в статейном списке Василия Постникова – ротация Яковом II британской политической элиты. В частности, русский дипломат пишет: «И где было возможно, ему тот древле бывый парламент в тех городех

---

29 Lauder J. Historical Observes of Memorable Occurrents in Church and State, from October 1680 to April 1686 by Sir John Lauder of Fountainhall. Edinburgh, 1840. P. 249; Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford, 1857. Vol. 1. P. 434.

30 Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by A. Dobson. L.; N.Y., 1906. Vol. 3. P. 235.

31 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 20. Л. 229 об.

32 «Тест-Акты» (“Test Acts”) – законы, принятые в эпоху Реставрации и запрещающие любым лицам, не признающим англиканскую церковь, занимать государственные должности как гражданские, так и военные.

33 Jones J.R. James II's Revolution: Royal Policies, 1682-92 // Anglo-Dutch Moment: Essays on the Glorious Revolution and its World Impact / ed. by J.I. Israel. Cambridge, 1991. P. 61.

отставливал». Здесь, вероятно, идет речь о замене городских хартий, которые давали местной элите возможность баллотироваться в английский парламент. Сектанты и те англикане, которые были настроены в пользу отмены карательных законов и «Тест-Актов», накладывавших на католиков и протестантских неконформистов религиозные и политические ограничения, получили новые места в городских корпорациях и коллегиях мировых судей, что давало им возможность принять участие в выборах в парламент. В то же время джентри и буржуа, выступавшие против политики короля, потеряли свои должности, позволявшие им выставлять кандидатуры во время выборов. Согласно подсчетам английского исследователя М. Эшли, который опирался на британские архивные материалы, к 1688 г. были заменены хартии у тридцати пяти городов Англии³⁴.

Таким образом, статейный список В.Т. Постникова является единственным русским источником, отражающим религиозную ситуацию в Англии накануне «Славной революции» 1688-1689 гг. В несколько преувеличенной форме русский посланник сообщает о реакции населения на монаршую политику в конфессиональном вопросе. В то же время в исследуемом источнике верно намечены основные проблемы, вызывавшие расхождения между чаяниями большинства населения страны и католического монарха, пытавшегося облегчить положение своих единоверцев путем их союза с протестантскими неконформистами, направленного против господствующей Англиканской церкви.

Шамин Степан Михайлович³⁵

Древнейший вариант карты «Europa Regina» (Королева Европа)

Доклад посвящен известному в русской рукописной книжности с начала XVI в. краткому тексту «Европейской страны короли». Автор сравнивает сочинение с

---

34 Ashley M. Op. cit. P. 112-113.

35 К.и.н., с.н.с. Центра по изучению Отечественной культуры ИРИ РАН.

надписями на антропоморфных картах «Europa Regina» (Королева Европа), изданных в 1537 и 1587 гг. Сопоставление русского текста с европейскими картами позволяет сделать вывод о том, что издание «Europa Regina» 1537 г. не было первым. Ему предшествовала карта, созданная на рубеже XV – XVI вв. в годы правления императора Максимилиана I

Гуськов Андрей Геннадьевич³⁶

«Шляхтич Павел Кулвинский на русской службе – специалист восточных языков».

Важнейшим каналом интеллектуальной и культурной коммуникации для Российского государства XVII века являлись контакты со странами сопредельных регионов. Одними из ключевых агентов таких связей выступали переводчики Посольского приказа. Данная категория служащих осуществляла письменный перевод как текущей документации ведомства (грамоты, письма, указы и т.п.), так и печатной продукции, поступавшей из ряда стран (газеты, брошюры, «летучие листки», книги).

Уникальным примером своеобразного сплава культур разных народов является переводчик Павел Иванов сын Кулвинский (Кулдинский). Выходец из литовских шляхтичей он являлся единственным специалистом Посольского приказа по переводу с тибетского (тангутского) языка, владевший также калмыцким и монгольским языками. Находясь в сибирской ссылке и самостоятельно изучив несколько восточных наречий, Кулвинский выполнил нескольких дипломатических поручений к ойратским князьям, участвовал в переписи «ясашных захребетных людей» по Иртышу и Оби. Затем служил на южном пограничье в «кормовщиках», а с 1688 г. был окончательно зачислен в штат

---

36 К.и.н., в.н.с. Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.

Посольского приказа в переводчики, где проработал до середины 1710-ых гг. Источником ряда биографических данных служат собственноручные челобитные П.Кулвинского, подаваемые им в различные годы службы в приказах.

Алпатов Сергей Викторович³⁷

Зрелищные и театральные впечатления в «Журнале путешествия Н.А. Демидова 1771 – 1773 гг.».

«Журнал путешествия его высокородия господина статского советника, и ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращению в Россию, ноября 22 дня 1773 года», опубликованный в Москве в 1786 г и переизданный в Екатеринбурге в 2005 г., по-прежнему привлекает исследователей взаимодействия и, в частности, взаимовосприятия отечественной и европейской культуры XVIII столетия.

Описывающий путешествие Никиты Акинфиевича и его супруги Александры Евтиховны по Фландрии, Голландии, Франции, Англии, Италии и Германии, «Журнал» включает широкий спектр индивидуально окрашенных впечатлений от европейской промышленности и торговли, городского благоустройства и повседневного быта, а также архитектуры, скульптуры и живописи. При этом в аспекте театральные и шире – зрелищных впечатлений путешественников «Журнал» еще не рассматривался, тогда как его составитель выказывает очевидное предпочтение французской театральной культуре, сдержанно относится к английскому драматическому гению и активно не приемлет низовые формы ярмарочных зрелищ.

---

³⁷ Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова. Филологический факультет, доцент. кандидат филологических наук.

Особый интерес представляет вопрос, кому именно принадлежат указанные личные впечатления и пристрастия? Согласно аргументированной гипотезе Е. В. Карповой, «Журнал» составлен секретарем Н.А. Демидова – Н.И. Крымовым, что ставит проблему принадлежности высказанных суждений самому Демидову / степени общности мнений патрона и его секретаря.

Сверх того, в составе «Журнала» зафиксированы «раскавыченные цитаты» из современных нарратору литературных журналов, что, в свою очередь, помещает исследуемый памятник посередине между документальным и художественным типами травелогов Нового времени.

Митрофанов Андрей Александрович³⁸

Российская империя в оценках ученых, журналистов и политиков революционной Франции конца XVIII века.

В докладе будет предложен новый взгляд на уже хорошо всем известную тему, проанализированы биографии авторов французских книг о России этого периода, исходя из их связей с российским интеллектуальным пространством, российским двором и дипломатами. Речь пойдет о Малле дю Пане, Пейсонеле, Вольнее, Карра, Шантро, Кастера, Лаво и Форнеро. Памфлетная французская «Россика» этого периода (1789-1799 гг.) хорошо известна, но обстоятельства появления на свет этих сочинений остаются малоизвестными широкому читателю. Есть предположение, что ряд т.н. "антиекатеринских" сочинений были подготовлены под влиянием или при участии представителей российской просвещенной элиты, тесно связанной с Францией. В докладе будет представлен промежуточный итог

---

³⁸ Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН. Thermidor 1794@mail.ru

исследования этого аспекта без претензий на широкие обобщения, но с надеждой вызвать дискуссию по теме и получить ценные замечания на этот счет. Особенно важно, что среди участников круглого стола будут именно специалисты по истории России, что позволит выявить возможные лакуны в моем докладе и уточнить текущие задачи моего исследования, что невозможно, если оставаться вдалеке от конкретных достижений специалистов по русскому XVIII веку. Также и использование словосочетания «русский мираж» - дань зарубежной историографии и творчеству Альбера Лортолари середины XX века. Это авторская концепция, я терминологию планирую уточнить. В целях сокращения времени, такие термины будут временно сняты.

Голиков Кирилл Андреевич³⁹

"Георг Франц Гофман - немецкий директор русского ботанического сада".

Он был первым директором Ботанического сада Московского университета в 1804-1826 гг., специально приглашенным из Германии, когда Сад был включен в состав Университета. В сообщении речь пойдет о его сравнительных впечатлениях о русском и немецких ботанических садах.

Аксенова Анастасия Анатольевна⁴⁰

Местное население в Египте в представлении русских и французских подданных в первой половине XIX вв.

---

³⁹ Кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры региональных исследований отделения региональных исследований и международных отношений факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

⁴⁰ Аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов г. Москвы 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 тел: +7 (495) 434-53-00 E-mail: aksenovaaftr@rambler.ru.

Парадигма «Восток-Запад» имеет давнюю традицию в российском и в западноевропейском сознании. Представления о Востоке, сложившиеся к концу XVIII в. как в России, так и во Франции, отличались определенной мифологизированностью, мистицизмом и нередко были окружены ореолом таинственности. Однако благодаря развитию науки и усилиям исследователей началось постепенное переосмысление истории и традиций региона. Рубеж XVIII – XIX вв. стал началом формирования рационального образа Востока в сознании европейцев. Во многом этот «эпистемологический транзит» обуславливался борьбой ведущих европейских держав за османское наследие. Истоки этого имиджа формировались в том числе под влиянием первых путешествий на Восток. В контексте данной конференции “Россия и мир личные впечатления” на примере Египта автор предлагает анализировать, в том числе, восприятие местного населения у русских и французских подданных в первой половине XIX вв. как неотъемлемую часть общего образа Востока. Также стоит выявить механизм стереотипизации региона, а практика путешествий рассматривается в качестве способа формирования представлений о Востоке в данном исследовании. Сравнение восприятия местного населения Востока, в частности Египта, в произведениях русских и французских авторов особенно ценной актуально в силу того, что ближневосточный, османский вопрос, являлись и продолжают оставаться неотъемлемой частью внешнеполитического курса России и Франции. Однако, уже в XVIII-XIX вв. наблюдалось различие в понимании сущности данного вопроса и перспектив его решения. В современном мире ближневосточная проблематика сохраняет не только свою актуальность, но и вызывает острые международные дискуссии, в том числе между Россией и Францией. Хронологические рамки сюжета исследования охватывают период первой половины XIX в. – времени египетского похода Наполеона Бонапарта, а также возникновение «египтомании» как особого культурного феномена XIX в. Для русских путешественников конец первой половины XIX в. стал периодом обострения отношений между Российской и Османской империями и Крымской войны 1853-1856 гг., которая приостановила процесс активного посещения

региона и во многом повлияла на эволюцию его восприятия в общественном сознании. Благодаря разнообразию опубликованных источников, в первую очередь, источников личного происхождения как путевые заметки, мемуары, корреспонденция, возможно реконструировать образ местного населения Египта в коллективных представлениях русских и французов, а также провести сравнительный анализ данного имиджа. Таким образом, автор предлагает в качестве выводов предоставить два разных восприятия местного населения Египта, сложившихся в ходе путешествий на Восток у французов и русских подданных, реконструировать характерные черты египтян, коптов, греков, нубийцев и т.д., в частности воспроизвести подробный имидж турка-османа в путевой литературе. Образ турка-османа, который создавался в произведениях российских путешественников XIX в. зачастую усиливал негативное представление о Османской империи в общественном сознании России, что, в свою очередь, оправдывало русско-турецкое противостояние. С одной стороны, данный аспект затруднял налаживание продуктивных отношений между Россией и Портой, снятие международной напряженности по восточному вопросу. В тоже время, русские и французские путешественники в Египет, составляя заметки и описания, способствовали расширению познаний европейцев о Ближневосточном регионе, способствовали межкультурному диалогу.

Список литературы: 1. Антошин А.В. Египетские инженеры на Березовских золотых приисках эпоху Николая I // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Мат-лы конф. Екатеринбург, 2014. - С. 154-157 2. Белова Г.А., Шеркова Т.А. Русские в стране пирамид. Путешественники, ученые, коллекционеры. - М.: Алетея, 2003, 270 с. 3. Беляков В.В. «К берегам священного Нила...» Русские в Египте. М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. Ломоносова, Институт востоковедения РАН, 2003. – 303 с. 4. Гирц К. Интерпретация культур. Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/index.php (Дата обращения 27.02.2017) 5. Голубев А.В., Поршнева

О.С. Образ оюзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф. - 2012. - 392 с.

6. Assman J. L'Égypte ancienne : entre mémoire et science. - Paris : Hazan : Musée du Louvre. – 2009. - 341 p. 7. Caratini R. L'égyptomanie : une imposture. - Paris, Albin Michel, 2002. - 264 p. 8. Carré J.-M. Voyageurs et écrivains français en Egypte. - Caire : Impr.de l'Institut français d'archéologie orientale, 1956. – II v. - 361 p., 411 p.

Линькова Е.В.⁴¹

«Италия в восприятии отечественных консерваторов первой половины XIX в. (на примере творческого и эпистолярного наследия А.С. Шишкова, А.С. Стурдзы и Ф.И. Тютчева)».

Образ Италии – государства, или до завершения процесса Рисорджименто – группы стран, являвшихся своего рода основой европейского мира, чрезвычайно важен для понимания и цельной реконструкции тех представлений о западноевропейской цивилизации, которые нашли свое отражение в российской консервативной традиции.

Именно с Италией отечественные консерваторы связывали истоки западноевропейских ценностей, которые выражались в католицизме, политике папы римского, единых устремлениях европейских государств в эпоху Средневековья.

Известно, что культурное наследие, многовековая история, красота природы Италии неизменно привлекали внимание российских поэтов, художников, литераторов и мыслителей. Представление об Италии, сложившееся в России, очень точно оценил Н.А. Бердяев, написав, что «...любим мы у итальянцев то, что

---

41 К.и.н., доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов. e-mail: e.v.linkova@yandex.ru

не похоже на нас, что нас дополняет»⁴². Однако, помимо этой пленительной картины, Италия – это и колыбель европейской цивилизации, философии, культуры. И эти два образа: с одной стороны, поэтический, а, с другой, – философский, с определенными политическими и религиозными константами, очень точно отражены в произведениях не только поэтов и писателей, но и мыслителей. В качестве примера, в рамках круглого стола предлагается обратиться к творческому наследию представителей российского консервативного направления: А.С. Шишкова, А.С. Стурдзы и Ф.И. Тютчева, которые в полной мере передали всю сложность и многогранность образа Италии, сложившегося в российском общественном сознании в первой половине XIX столетия.

Мамонова Юлия Олеговна⁴³

Внешний облик русской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. в восприятии иностранных военкоров

Противостояние Российской и Японской империй, пришедшееся на 1904–1905 годы, подвигло самоотверженно отправиться на Дальний Восток представителей прессы различного подданства. По возвращении с театра военных действий некоторыми военкорами были опубликованы материалы, повествующие о ходе вооружённого конфликта и различных аспектах жизни на позициях противоборствующих сторон.

В связи с тем, что иностранцы стремились зафиксировать каждую оказавшуюся в радиусе их зрительного восприятия деталь, особое внимание в данных свидетельствах уделялось внешнему облику представителей русской армии.

---

42 Бердяев Н.А. Чувство Италии // <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=rw5Ur5LZQXE=> (электронный ресурс. Дата обращения 20.02.2018).

43 Независимый исследователь. julia.mamonova@gmail.com. 8 913 067 97 54

В докладе предполагается охарактеризовать авторское восприятие внешнего облика рядового и командного состава русской армии, выявить общее и особенное в оценочных суждениях иностранных корреспондентов, а также установить влияющие на их восприятие факторы. Основу источниковой базы составляют иноязычные сочинения сопровождающих русскую армию представителей прессы из Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, Франции.

Козлов Денис Юрьевич⁴⁴

**Российский флот начала XX века глазами шведских военных моряков:
впечатления и оценки**

После дальневосточной катастрофы 1904–1905 гг. и гибели большей и лучшей части русского Балтийского флота борьба с Россией в представлениях шведских военных моряков превращалась из конфликта с региональным гегемоном без надежды на успех в *«очередной раунд вечного противостояния старых соперников»*⁴⁵. Несмотря на то, что официальный Стокгольм уклонился от заключения военного союза с Германией, в оперативных планах шведских военно-морских сил, где основным потенциальным противником являлся, естественно, русский Балтфлот, появляются задачи наступательного характера.

Наши представления об оценках шведскими военными моряками состояния Российского флота в преддверии Первой мировой войны могут быть в значительной мере актуализированы путем введения в научный оборот копий рапортов и черновигов бумаг шведского военно-морского атташе в Санкт-Петербурге капитан-лейтенанта Отто Любека за 1908–1910 гг., оказавшиеся в распоряжении отделения иностранной статистики российского Морского

---

⁴⁴ Доктор исторических наук, руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН, президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны

⁴⁵ *Åselius G.* The “Russian Menace” to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Élite in the Age of Imperialism. Stockholm: Akademitryck AB, 1994. P. 404.

генерального штаба⁴⁶, а также некоторых документов из переписки российской миссии в Стокгольме с министерством иностранных дел⁴⁷, которые и послужили основой источниковой базы настоящего сообщения.

Документы свидетельствуют о весьма внимательном отношении шведских моряков к Российскому флоту, его материальной части, системе базирования, планам применения, уровню боеготовности, деловым качествам высших руководителей и т.п. Во взглядах офицеров флота короля Густава V на своих российских визави обнаруживается самый широкий спектр оценок и мнений – от высокомерного презрения до корпоративной солидарности.

Купцова Ирина Валентиновна⁴⁸

«Такие разные союзники: англичане и французы... (личные впечатления российских писателей в годы Первой мировой войны)»

Основными союзниками Российской империи в годы Первой мировой войны были Англия и Франция. В общественном сознании еще в довоенный период сложились стереотипы англичан и французов. В поддержании и усилении позитивного образа «союзника» в период войны были заинтересованы власти, которые использовали для этого весь возможный арсенал пропагандистских средств.

Одним из таких средств является привлечение к этому процессу деятелей литературы и искусства, способных оказывать влияние на общественное сознание. Кроме того, в силу активного межкультурного диалога и профессиональных связей с европейскими коллегами, у них были свои личные

---

46 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3958. Л. 5–47.

47 См., например: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 345. Л. 15–20 об.

48 , Д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

предпочтения, симпатии еще в довоенный период, которые оказались чрезвычайно востребованы в годы войны.

Позитивный образ англичанина нашел отражение в личных впечатлениях К. Чуковского, Е. Замятина, А. Толстого, Б. Савинкова. О национальном характере французов писали М. Волошин, Б. Савинков, М. Волошин, Б. Савинков, К. Бальмонт, И. Эренбург. Имело место сравнение образов союзников (Б. Савинков). Заметна большая идеализация англичан. Это можно объяснить необходимостью большей работы над трансформацией довоенного образа.

Устойчивые этнические стереотипы в периоды войн способны изменяться. Это связано, в первую очередь, со статусом государств - участников войны: «союзник» - «враг» - «нейтральный». Ранее негативные образы государств – союзников трансформируются в позитивные. Это достигается несколькими способами: идеализация; замалчивание некоторых отрицательных черт; использование тактики сравнения с еще более негативными стереотипами других народов, как правило, «врагов»; замещение негативных черт преувеличением позитивных и др.

Журавлева Виктория Ивановна⁴⁹

Русская революция в репрезентациях американских радикалов: между очарованием и разочарованием

Доклад посвящен образам Русской революции в репрезентациях американских радикалов (от радикальных прогрессистов и социалистов до коммунистов), воочию наблюдавших революционные события в России. Русский революционный «Другой» начал играть значимую роль в формировании

---

⁴⁹ Д.и.н., профессор, зав. кафедрой американских исследований, зам. декана факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, РГГУ, Москва, +79031944910, zhuravlevavic@mail.ru.

идеологической идентичности американских левых в период революции 1905-1907 гг., когда они стали участниками радикального дискурса, обусловленного текстом Русской революции, с характерными для него структурами оппозиций и метафорами. Лишь в репертуар смыслов данного дискурса интегрировался образ России-наставника США в том, что касалось, с одной стороны, ее социального послания человечеству, а с другой, влияния на ревитализацию социалистических идей в самой Америке. В докладе рассматриваются два кейса. Во-первых, идеологические метаморфозы “джентльменов-социалистов” (прежде всего, А. Балларда, хотя реальное путешествие в революцию 1917 г. Э. Пуля и виртуальное – И. Уоллинга также будут привлекаться для сравнения) и радикальных прогрессистов (Р. Дор). Будучи вдохновлены политическим и социальным опытом Первой русской революции они отправились за океан наблюдать ее логическое завершение в 1917 г. и в итоге разочаровались не только в феномене Русской революции, но и в социализме как таковом («дискурсе разочарования»). Во-вторых, взгляды тех американских левых, которые, прибыв в революционную Россию в 1917 г., объявили себя приверженцами Октябрьской революции, как было в случае с Джоном Ридом и Альбертом Уильямсом с той разницей, что первого она сделала революционером и коммунистом, а второго пропагандистом советского строя и социалистическим просветителем («дискурс очарования»). В данном случае автора будет интересовать вопрос о том, как непосредственное наблюдение за событиями в революционной России в корреляции с предшествующей общественно-политической активностью в США и повесткой дня их развития способствовало обращению в советскую и в коммунистическую веру.

Голубев Александр Владимирович⁵⁰

«Соединенные Штаты Советской России». СССР 1927 года глазами А. Ли

Имя американского журналиста Айви Ли (1877-1934), разработавшего основы профессии «связи с общественностью», в России известно, пожалуй, лишь специалистам в этой области. И уж совсем незамеченной у нас оказалась его книга, изданная в 1927, после поездки в СССР, и переизданная дополненным изданием в 1928 году – «Россия сегодня».

Жанр этой книги определить достаточно сложно – это и путевые заметки, и социологический очерк, и политический комментарий, и экономический трактат... Рассуждения о природе большевизма, советской идеологии и обществе сменяются бытовыми зарисовками. Описания специфики концессионной политики Советского правительства плавно перетекают в характеристику российского крестьянства. В книге много точных наблюдений, но немало и наивных обобщений. А главный вывод автора – «проблема состоит в том, чтобы привлечь Россию к Западу, вылечить болезнь большевизма, и остановить угрозу революционной Азии».

Как бы то ни было, эта книга сыграла, пусть и небольшую, роль в последовавшем через несколько лет установлении дипломатических отношений СССР и США.

Баркова Ольга Николаевна⁵¹

«Листая страницы прошлых лет...»: мемуары великой княгини Марии Павловны (Романовой), как источник личных впечатлений

Как известно, источники личного происхождения — воспоминания, мемуары, записки, переписка и др. являются носителями ценной информации при изучении

---

⁵¹ Кандидат исторических наук, доцент, доцент Высшей школы (факультета) государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова.

событий исторического прошлого. Письменные воспоминания людей о важных событиях в их жизни, оставленные потомкам в жанре личных впечатлений, необходимы сегодня историкам для воссоздания более достоверной картины ушедшей эпохи.

Отличительная особенность мемуаров, как источников личных впечатлений, заключается в претензии на некую достоверность воссоздаваемого в них прошлого, хотя в действительности — не все из них являются правдивыми. При этом, некоторые из воспоминаний действительно представляют собой определенную разновидность серьезного документального литературного источника вовсе не тождественно равному историческим хроникам или автобиографиям. Мемуары, как один из видов так называемой исповедальной прозы, всегда носят субъективный характер, эмоционально насыщены и проникнуты духом своего времени.

Знакомство с мемуарной литературой позволяет лучше понять реалии ушедшего от нас времени, вкусы, нравы и обычаи тех лет и др. Автор воспоминаний всегда пытается не только зафиксировать на бумаге то или иное историческое событие, но и делает попытку его осмысления, описывая свои поступки в контексте современной ему действительности. К сожалению, многие мемуары не могут претендовать на точность и документальность описания, поскольку их цель зачастую состоит только в передаче внутреннего мира автора. И в этом смысле, воспоминания представляют собой некое литературное сочинение в форме личных воспоминаний о событиях прошлого. При этом, автор мемуаров всегда пытается показать те или события своей жизни сугубо через призму личностного восприятия, стараясь представить себя перед будущими читателя в более выгодном свете. Мемуары — это всегда исключительно личные воспоминания реального человека, который задумавшись о смысле прожитой жизни, решает рассказать о ней потомкам. Не стали исключением здесь и воспоминания великой княгини Марии Павловны (Романовой), впервые опубликованные в эмиграции и, пережившие впоследствии многочисленные переиздания.*

Великая княгиня Мария Павловна-младшая — двоюродная сестра императора Николая II — родилась 18 апреля 1890 г. в Санкт-Петербурге. Она была внучкой «царя-освободителя» Александра II и дочерью младшего брата Александра III — великого князя Павла Александровича от его первого брака с греческой принцессой Александрой. Её детство, как и вся её будущая личная жизнь, складывались достаточно непросто. После смерти матери и нового брака отца, воспитанием двух сирот — маленькой Марии и её брата Дмитрия стали заниматься их родной дядя — великий князь Сергей Александрович — московский генерал — губернатор и его жена — великая княгиня Елизавета Фёдоровна, родная сестра императрицы Александры Фёдоровны. С детства великая княгиня Мария Павловна говорила преимущественно по-английски и плохо знала русский язык. Наиболее близким людьми в её жизни были брат Дмитрий и гувернантка мадемуазель Элен. [1, с. 38]

Весной 1908 г. она вышла замуж за наследного принца Швеции Вильгельма, герцога Седерманланского. Сложные семейные отношения супругов не улучшило рождение в 1909 г. их сына Леннарда. Обладая сильным и независимым характером, Мария Павловна решила на развод, что было нетипичным для брачных норм того времени, который её брат император Николай II был просто вынужден подтвердить своим именованным указом от 15 июля 1914 г. За свою свободу она заплатила довольно высокую цену: ей было отказано в общении с сыном, который являлся наследником шведского престола и должен был жить в Стокгольме. [1, с. 39]

Первая мировая война 1914–1918 гг., начавшаяся с небывалого патриотического подъёма в российском обществе, привела Марию Павловну в ряды сестёр милосердия. Она, как и многие другие представительницы дворянских родов России, отправилась на фронт вслед за полком, в котором служил её брат, работала в военном госпитале в Пскове до конца марта 1917 г.

Революционные события весны — осени 1917 г. в России заставили великую княгиню Марию Павловну и её второго мужа князя Сергея Михайловича Путяти-

на — сына дворцового коменданта Царского Села, с которым обвенчалась 9 сентября 1917 г. уехать в эмиграцию: через Украину в Румынию, затем в Великобританию, осев во Франции. Позднее в своих воспоминаниях она написала о том, что из всех королевских семейств, которые продолжали оставаться на троне и были в более или менее близком родстве с ней, лишь королева Мария Румынская встретила её с настоящей симпатией и сочувствием. [2, с. 377] В эмиграции великой княгине Марии Павловне пришлось впервые столкнуться с жизнью простой русской женщины: ей было 28 лет, она практически ничего не умела делать, не имела ни малейшего представления о ведении домашнего хозяйства и т.п. Но желание выжить в изгнании, понимание необходимости трудоустройства на чужбине и др. заставили её проявить незаурядную волю, характер и удивительную стойкость в борьбе с нуждой и голодом. Она стала зарабатывать шитьем, вышивкой, вязаньем свитеров и др. «Меня ещё в детстве выучили шить, вышивать и вязать, теперь можно было применить эти навыки...» [2, с. 379–380]. Благодаря своему брату Дмитрию, Мария Павловна познакомилась с модельером Коко Шанель, получив от неё заявки на выполнение индивидуальных заказов. В 1921 г. великая княгиня Мария Павловна открыла во Франции свой собственный Дом вышивки «Китмир», просуществовавший в мире модной индустрии до 1928 г. [3] Мария Павловна сама разрабатывала эскизы вышивок, подбирала сочетания цветов, нитки. Она работала практически без отдыха и выходных не только для сдачи заказа в срок, но и в связи с тем, что семейный бюджет полностью лежал на её плечах. В 1925 г. великая княгиня Мария Павловна стала победительницей на проходившей в Париже Всемирной выставки современного декоративного и прикладного искусства «L'Art deco», получив золотую медаль и почётный диплом. Но приближавшийся экономический кризис 1929 г., поразившей экономику всех европейских государств не обошёл стороной и индустрию моды Франции, сделав практически невозможным существование Дома моды «Китмир». Разоренная долгами, великая княгиня Мария Павловна была вынуждена продать свой бизнес и переехать жить в Англию, где она попыталась наладить выпуск своей линии духов «Князь Игорь». Но и этот новый для неё проект не удалось успешно реализовать.

Следующей страной временного проживания Марии Павловны (Романовой) стали Соединённые Штаты Америки, где она находилась до 1941 г. Здесь она впервые издала свои написанные по-русски, а затем переведённые на английский и французский языки мемуары, которые вышли двумя книгами: первая — «Образование Великой княгини», вторая — «Великая княгиня в изгнании». Живя в США она работала фотографом, консультантом по закупке модной одежды во Франции, читала лекции и писала статьи о моде. [1, с. 53]

И наконец, одной из последних стран пребывания в эмиграции стала для Марии Павловны Аргентина. Поселившись в небольшом съемном доме с садом в лучшей части Буэнос-Айреса в Баррио — Норте, она стала заниматься оформлением интерьеров, рисованием и др. В Аргентине, спустя много лет после расставания, в 1947 г., её навестил уже совсем взрослым сын, принц Леннарт, который прожил вместе с ней несколько месяцев и смог впервые по-настоящему познакомиться со своей матерью.

На рубеже 1940–1950-х гг. великая княгиня Мария Павловна много путешествовала по Европе: встречалась со своим бывшим первым мужем, гостила у своего сына в Швеции, навещала в Париже балерину Матильду Кшесинскую и др.

Великая княгиня Мария Павловна (Романова) умерла от воспаления легких 13 декабря 1958 г. в г. Констанце. Своё последнее пристанище она нашла в пределах дворцовой церкви в местечке Майнау, где была похоронена — рядом со своим родным братом великим князем Дмитрием Павловичем.

Таким образом, мемуары великой княгини Марии Павловны-младшей, опубликованные и переизданные десятки раз не только в Европе и Америке, но и в России содержат ценную информацию по вопросам адаптации и трудоустройства представителей русского зарубежья «первой послереволюционной волны»; рассказывают об истории модной индустрии Франции и Великобритании 1920–1930 гг.; подробно описывают особенности повседневной жизни русского эмигрантского сообщества 1917–1939 гг. и др. Это, первое.

Второе. Знакомство с воспоминаниями великой княгини Марии Павловны (Романовой) позволяет нам сегодня достаточно образно восполнить наши представления о жизни русской эмигрантской колонии «первой послереволюционной волны», её традициях, нормах и аномалиях повседневного быта беженцев из России и др.

Третье. Мемуары великой княгини Марии Павловны (Романовой) — это личные впечатления человека, которому в эмиграции удалось сделать невозможное — организовать свой бизнес, добиться авторитета и признания в стране, считавшегося общепринятой законодательницей моды в мире. Открыв своё модное предприятие — Дом вышивки «Китмир» во Франции, великая княгиня Мария Павловна смогла в полной мере раскрыть свои удивительные организаторские способности и наглядно показать всему миру свою художественную одарённость, вкус и талант.

И наконец, воспоминания великой княгини Марии Павловны-младшей — это записи о событиях её частной жизни, её многочисленные личные впечатления, её «персональная история», показанные через призму суровой эмигрантской действительности первой половины XX в. По сути — это уникальный источник сведений о реалиях ушедшего от нас времени, свидетелем которого она явилась в эмиграции.

Цель данного доклада — на основе личных впечатлений великой княгини Марии Павловны (Романовой)-младшей подробно описанных в книге её воспоминаний, рассмотреть психологию эмигрантского сознания представительниц русского зарубежья «первой послереволюционной волны», занятых в сфере модной индустрии Франции 1920–1930-х гг. В условиях жёсткой конкуренции с национальными Домами моды стран Европы и Америки, незнании законов организации бизнеса и отсутствия необходимого первоначального капитала, женщины русского зарубежья 1917–1939 гг., представленные чаще всего, наименее адаптированной его частью — дворянским сословием, активно участвовали в организации предприятий модной индустрии, работали моделями, дизайнерам, портнихами и швеями. Успех русских Домов моды знаменовал собой новый этап в развитии индустрии.

стрии моды и модельного бизнеса 20-х — 30-х гг. XX в., оказав значительное влияние на развитие мировой культуры моды XX в.

* Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2003 и др. издания

1. Баркова О.Н. Из истории русской женской эмиграции во Франции 1920 - 1930 - х гг. / От античности до современности. М., 2012. С. 23–55.

2. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2003; Мария Павловна. Мемуары. М., 2003.

3. Баркова О.Н. Дом моды «Китмир». Великая княгиня Мария Павловна во Франции // Родина. 2012. N 12. Часть 1; 2013. N 1. Часть 2.

Будаева Лина Андреевна⁵²

Женева в 1935–1938 гг.: личные впечатления посла СССР А.М. Коллонтай.

В 1935—1938 гг. посол СССР в Швеции [1], первая в мире женщина-дипломат и известный борец за права женщин, Александра Михайловна Коллонтай входила в состав советской делегации в Лиги Наций, принимая участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи и работе отдельных комиссий. В своих мемуарах — «Дипломатических дневниках», опубликованных в 2001 г., она предельно детально рассказала о работе советской делегации, многочисленных встречах с коллегами и описала свои личные впечатления о Женеве, ее жителях и др.

---

⁵² Соискатель аспирантуры кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

С Швейцарией А.М. Коллонтай связывало много воспоминаний — в 1898 г. она уехала в эту страну изучать социальные и экономические науки и пробыла там до лета 1899 г. Позднее, с 1908 по 1917 гг., она посещала разные города Швейцарии в годы эмиграции. Затем, уже будучи советским дипломатическим сотрудником, она вновь оказалась в Женеве в 1930-е гг. Однако, вопреки ожиданиям А.М. Коллонтай, по прибытии в Женеву в сентябре 1935 г., «никаких воспоминаний у нее не ожило» [2, с. 293]. Так, 6 сентября 1935 г. она писала другу: «ты помнишь, я боялась, что Женеве, Швейцария, разбудят во мне давно забытое — "лирику" женских переживаний в годы эмиграции, и станет вдруг больно. Когда поезд подходил к Лозанне и я из окна вагона увидела знакомый силуэт гор по ту сторону Женевского озера, а внизу глубокую и холодную его синеву, у меня екнуло сердце радостью, как от встречи со старым и милым знакомым. Но никаких воспоминаний не ожило. Я так насыщена настоящими "боями", что во мне нет места для других мыслей и чувств. Я люблю полноту и богатство того, что дает сегодня что жду от того, что получится от завтрашних дней» [2, с. 293].

Советская делегация в Лиги Наций, членом которой была А.М. Коллонтай, занимала весь второй этаж отеля «Ричмонд», который, по мнению Александры Михайловны, был «сравнительно скромный, но комфортабельный, и убранство нового стиля, без безвкусной потуги на роскошь» [2, с. 291]. «Порядок здесь образцовый и обслуживающий аппарат работает точно и четко. Каждое утро мне приносят вышедшие накануне документы, газеты, почту. Это в восемь часов. К девяти часам я требую завтрак к себе в комнату. И утренний завтрак хорош: кофе с горячим молоком, обслуживающий льет одновременно в стакан кофе и молоко, хрустящие свежие булочки, швейцарское масло, ароматное и ярко-желтое. Мед и вишневое варенье. Очень все вкусно. Погода тоже хороша — солнце, ясный воздух, видна снежная шапка Монблана» [2, с. 294], — описывала свое обычное начало дня в Женеве советский посол.

Как известно, 8 сентября 1935 г., в воскресенье, заседаний ассамблеи Лиги Наций не было, и день для А.М. Коллонтай «выдался особенный и приятный» [2, с.

295]. Вместе со своей подругой, доктором Адой Нильсон, тоже приехавшей в Женеву из Швеции, А.М. Коллонтай пошла на прогулку. В своих мемуарах она делилась своими личными впечатлениями о городе: «Решили с Адой поглядеть на Женеву. Не ту, где расположены пышные отели и рестораны для туристов и которую сейчас заселяют делегаты Ассамблеи, а Женеву по ту сторону озера, ведущую начало от средневековья. Женева набережных Монблана и Вильсона космополитическая; старый город — национален. И очень скучный. В нем еще жив мертвящий дух своеобразного аскетизма Кальвина. И за это я не люблю Женеву. Вот старая, узкая, сжатая домами площадь. На ней реформатор и боец в молодые годы Кальвин, следуя за гуманистами, громил мракобесие, предрассудки и схоластику католической церкви. И здесь же, победив католиков, уже немолодой Кальвин с сухой и холодной жестокостью душил своим догматизмом новой церкви все живое, все радостное и прогрессивное в жизни, что несла с собою философия гуманизма. Здесь, на этой площади, среди тесно сгрудившихся домов, Кальвин заставил вновь пылать костры, на которых сжигали не еретиков-католиков, а инакомыслящих кальвинистов. Мы с Адой поглядели на знаменитый памятник Кальвину и Реформации и, осудив всякое изуверство и удушение человеческой мысли, поспешили к фуникулеру на гору Салев. На террасе кафе в виде типичного швейцарского шале мы заказали себе горячий шоколад и собирались полюбоваться на снежную вершину Монблана, но ее затянули густые облака. На Салеве я потеряла свою "тень", т. е. швейцарского шпика. К каждому советскому делегату приставлен агент, якобы для его охраны. Он дежурит в вестибюле отеля и неизменно всюду ходит за мной, даже если я покупаю фрукты на рынке близ "Ричмонда". Но на Салеве он пропал. Я даже забеспокоилась, где же он, чем насмешила Аду. Оказалось, Салев уже во Франции, а швейцарская полиция не смеет переходить границу» [2, с. 296].

Второй раз вновь А.М. Коллонтай попала в Женеву уже через год, когда входила в состав советской делегации в Лиге Наций в сентябре 1936 г.: «все знакомо, в "Ричмонде" все на месте, даже мой прошлогодний полицейский агент поклонился мне, будто старый знакомый. Советская делегация, как всегда, заняла весь второй

этаж, и снова неприветливая столовая. (...)» [2, с. 338], — отмечала А.М. Коллонтай. И уже 29 сентября, в воскресенье, Александра Михайловна снова описывает свои впечатления о Женеве: «В этом году погода хуже прошлогодней. Чувствуется осень, холодные ветры, небо заволокло тучами, солнце редкий гость. Но в это воскресенье с утра денек выдался на славу, ясный, светлый и даже жаркий. Максим Максимович предложил всем нам поехать за город, позавтракать. В долине реки Роны есть кабачок (таверна), славящийся необыкновенным блюдом и топленого сыра с легким, местным вином, типа нашего "Цимлянское". Все охотно согласилось ехать. (...) Огромное наслаждение в ясный осенний день ехать в долине Роны, среди ярко-зеленых лугов, где пасутся стада коров, как на рекламках швейцарского шоколада. Горные хребты убегают все выше, пока их силуэт не коснется ясной синевы осеннего неба. Воздух напоен запахом зрелого винограда, сейчас время сбора. Из ярких клумб перед загородными виллами доносится тонкий аромат по-осеннему пышных цветов. Шоссе идеальное, а рядом журчит и рокочет, ударяясь о подводные камни, гордость швейцарцев — историческая река Рона, связь и водораздел с чужой страной, Францией» [2, с. 349—350]. Советский посол подробно описала этот «приятный и оживленный завтрак» [2, с. 351], таверну и ее хозяина, свои впечатления о швейцарских национальных блюдах и др.

Примечательно, что личностное восприятие А.М. Коллонтай Женевы во многом зависели от складывавшейся на заседаниях Генеральной Ассамблеи «мировой обстановки» [2, с. 374]. Несмотря на тот факт, что А.М. Коллонтай искренне любовалась природой города, с интересом относилась к его истории, к менталитету населения Швейцарии и др., оказавшись третий раз на Ассамблее Лиги наций в сентябре 1937 г., она записала в своем дневнике так: «стою посреди комнаты и чувствую, что не люблю Женеву и все не по мне здесь. Впрочем, дело не в Женеве (...), а в том, что за эти два года, когда я впервые приехала на Ассамблею, мировая обстановка сильно обострилась, грозные тучи сгустились над Европой и приблизили неизбежность войны, войны капиталистического мира против нас, против первой страны в мире, совершившей социалистическую революцию и открывшей путь к коммунизму...» [2, с. 374].

Как известно, А.М. Коллонтай была в составе советской делегации на заседаниях Лиги Наций и в 1938 г., когда, по ее мнению, атмосфера в городе претерпела явные изменения, как и настроение его жителей. «Швейцарский обыватель поддавался панике. Многие жители покидали Женеву. В дни, предшествующие Мюнхену, городские власти додумались до затемнения Женевы. Низкие цветные лампочки тускло освещали тротуары. Машины ходили с притушенными фонарями. Окна в ресторанах затемнялись ставнями. А во Дворце наций вечерние совещания были отменены. Для чего вся эта театральщина? Не могли же швейцарские власти всерьез думать о возможности нападения на них Гитлера? Дело ведь шло о Чехословакии, а едва ли кто-либо в мире помнил в эти дни о Швейцарии. Но затемнение повышало нервность участников Ассамблеи» [2, с. 399], — вспоминала советский посол.

Цель данного доклада — на основе мемуаров посла СССР А.М. Коллонтай проанализировать ее личное восприятие Женевы и ее жителей в 1935–1938 гг. Александра Коллонтай детально отражала свои яркие впечатления о городе, в котором она находилась в служебной командировки, и делилась с читателем своими взглядами на понимание исторических традиций, принятых в разных странах мира. [3] Особое внимание привлекает прекрасный стиль повествования мемуаров А.М. Коллонтай. Этот факт подчеркивали и многие ее современники, имевшие возможность прочитать дневниковые записи еще в рукописи. Так, внук А.М. Коллонтай, Владимир, отмечал в своих воспоминаниях о своей бабушке, что «читать ее рукопись ему было легко и увлекательно. По стилю изложения это глубокое историческое произведение воспринималось как художественная литература» [4, с. 344].

Пользуясь возможностью, автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за вдохновение и помощь в подготовке тезисов доклада.

1. Будаева Л.А. Дипломатическая деятельность советского посла А.М. Коллонтай в Швеции во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. К вопросу о роли личности в истории международных отношений// Клио No 9 (129) 2017. С. 195—202.

2. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 2. М: Academia, 2001. 543 с.

3. Будаева Л.А. Отражение праздничной культуры Швеции и ее национальных традиций в особенностях дипломатического протокола 1930–1940-х гг. в восприятии советского посла А.М. Коллонтай: антропологический аспект. // Клио No 7 (127) 2017. С. 156—162.

4. Коллонтай В.М. Воспоминания внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 8. М., 2015. С. 318—369.

Фернандес А. П.⁵³

Восприятие испанскими эмигрантами советской трудовой повседневности (1939-1941гг.)

В конце 1930-х начале 1940-х годов главная роль в трудоустройстве политэмигрантов принадлежала ВЦСПС. Обеспечением работой на советских заводах и фабриках иностранцев в этой организации занимался организационно-инструкторский отдел. Курировали трудовую занятость политэмигрантов также в ЦК МОПР и в отделе кадров ИККИ, где была сформирована группа по трудоустройству.

Проверенных коммунистов, составляющих костяк элиты компартии, оставляли в Москве и предлагали пройти обучение в партийной школе ИККИ. Остальным оставался лишь один путь – стать участниками социалистического строительства.

---

⁵³ Ведущий специалист Российского государственного архива фондо документов.

Испанские колонии, или как их тогда называли - «коллективы» - оказались рассеянными по всей стране - в основном, в индустриально развитых регионах.

Советские заводы и фабрики были не просто местом работы иностранцев, но и выполняли функции *институтов адаптации*. Именно на рабочих местах иностранцы лучше постигали мир советской действительности изнутри. Работа на фабриках и заводах обеспечивала испанских политэмигрантов деньгами, бесплатным общежитием, горячим питанием в столовых.

Материалы проверок показывают, что условия жизни испанцев на социалистических предприятиях были не одинаковыми и зависели качества предоставляемого жилья, готовности администраций заводов оказать необходимую помощь в освоении специальностей иностранным рабочим. Наилучшее материальное положение было у испанцев, распределенным промышленные гиганты страны.

Испанцы в регионах зачастую считали действия администраций заводов по отношению к ним несправедливыми, о чем свидетельствуют их жалобы в Москву. Обращаться за помощью к соотечественникам из руководства компартии Испании и испанской секции Коминтерна приходилось из-за трудной экономической ситуации, в которой оказались многие политэмигранты, в первую очередь, женщины, не имевшие достаточных профессиональных знаний и умений. Так в письме в ИККИ работницы Краматорской Швейной фабрики Хоакина Таранкой и Хулия Арагонес жалуются на тяжелое материальное положение в связи с тем, что швейная фабрика не продлила им срок выплаты пособия, как это было сделано на других предприятиях.

Низкая зарплата, которую едва хватало на жизнь - была основной темой жалоб испанских рабочих, трудящихся в «авангарде пролетариата». Так, в письме к Долорес Ибаррури в апреле 1941 года испанец Кахетано Хихон указывает на то, что ранее испанская бригада добилась звания «стахановской» и была несколько раз премирована. Однако, когда по приказу вышестоящих органов, коллектив был

переведен на завод «Ростсельмаш», испанцы стали работать по более низким разрядам.

Адаптация политэмигрантов, путем включения их в трудовые коллективы предприятий, не всегда давала желаемый результат. Потенциал фабрик и заводов в этом отношении был ограничен, так как в первую очередь политэмигрантов оценивали как работников, требовали от них соблюдения дисциплины и эффективного труда. Администрация фабрик и заводов в первую очередь решала экономические задачи.

Многие эмигранты не желали адаптироваться, надеясь на скорое возвращение на Родину, для них был характерен низкий уровень общественной активности, в то время как советское руководство рассматривало привлечение политэмигрантов к общественной деятельности как важнейшее средство адаптации в СССР.

Невежин Владимир Александрович⁵⁴

"Праздник посреди войны: Октябрьская годовщина 1943 г. глазами союзников".

В докладе рассмотрены события, связанные с празднованием в Москве очередной годовщины Октябрьской революции в 1943 г. Основными источниками явились воспоминания и дневники советских и иностранных участников событий -- И.М. Майского, Н.В. Новикова, А. Гарримана, К. Гарриман. В центре внимания автора доклада -- праздничный прием на Спиридоновке вечером 7 ноября 1943 г.

---

54 Д. и.н., в.н.с. ИРИ РАН, Центр по изучению отечественной культуры.

**Исход из оккупированной немцами Франции и жизнь в США (1940-1946)
глазами дочери русского художника-эмигранта Александра Алексеева (1901,
Казань - 1982, Париж)**

Не дожидаясь оккупации Парижа гитлеровскими войсками, Алексеев покидает ставший почти родным за неполных двадцать лет город. Художник так объяснил своё решение уехать из Франции удивлённой дочери: *«Скоро Париж окажется в руках немцев. Я боюсь, что они придут за мной и заставят делать для них пропагандистские фильмы. Мы должны немедленно собирать вещи и уезжать»*. В пять часов утра 13 июня 1940 года они торопливо в гараже скатывали спальные мешки и засовывали их за заднее стекло старенького «фордика», принадлежащего Клер. На заднее сиденье укладывались корзины и ящики с едой, свечами, батарейками, спичками, аспирином и два вместительных кожаных чемодана, которыми снабдил его Луи Вюиттон, поклонник таланта и продюсер Алексеева, владелец модных магазинов по продаже дорожных чемоданов и сумок (его фамилия как бренд сохраняется в названиях магазинов до сих пор).

В машине их разместилось семеро: Алексеев, его жена Александра Гриневская, их дочь, шестнадцатилетняя Светлана, и Клер с Этьеном Райком, давно уже ставшие частью семьи – этакий «цирк», как они шутливо сами себя прозвали, оценивая непростую семейную ситуацию. Для Этьена Райка (1908-1974), в силу его происхождения, пребывание в оккупированном городе было особенно опасно. Пустились в путешествие и любимец Светланы длиннохвостый попугай Коко, которого она осторожно прятала под кофтой, и пудель Джерико, расположившийся под ногами у художника. Не менее тревожно оставаться на захваченной фашистами территории было и для Клер, дедушка которой носил фамилию Шлезингер. Роль водителя досталась Клер, опытной путешественнице. Она справлялась с нею не без труда: грузовики и легковушки еле-еле ползли среди толпы пеших беженцев с севера Франции и Бельгии, стаяк цыган и нищих с

повозками, нагруженными каким-то пёстрым скарбом. По запруженным парижским улицам металась в поисках еды потерявшие хозяев лошади, свиньи и даже куры. В роли лоцмана в людском море выступал Алексеев – он водрузился на пассажирское сидение рядом с Клер и, держа на коленях карту, направлял на неё крошечный фонарик.

Покинув Париж и проведя три дня в городке Ля Шапель Мольер, они на месяц обосновались в деревушке Гросрувр, у подножия небольшой горы, рядом с Пуатье. Даже сюда доносился грохот выстрелов и бомбёжек: итальянские самолёты бомбили толпы беженцев, скопившихся на французских дорогах. Алексееву неожиданно для себя погрузился в далёкую от него крестьянскую жизнь: вместе с Этьеном он помогал фермеру в поле, пока его жена и Клер собирали овощи, кормили кур, чистили конюшни, участвовали в приготовлении пищи.

Добросердечный крестьянин по фамилии Массе поселил своих постояльцев в одном из сараев, превращённом в конюшню. Сюда вместе с сыном они принесли охапки свежего сена, бросив их неподалёку от лошадей. На колючей соломе теперь нередко сидели, устроившись по-турецки в уютный кружок, и слушали новости по маленькому радиоприёмнику. Сам хозяин жил с семьей в длинной, приземистой каменной постройке, окружённой большим двором, заставленным стогами сена. По двору бегала заливисто лающая собака, а перед постоянно открытыми воротами в роли строгих стражей стояли многолетние деревья. На кухне, за массивным деревянным столом гостям предлагалось нехитрое угощение: мужчинам – коньяк, а детям – тёплое молоко с конфетами. Внимательный к физиономике Алексеев обратил внимание на характерную внешность гостеприимного фермера и членов его семьи - продолговатые лица, чувственные рты и оливкового оттенка кожа: *«...мавры, вторгшиеся во Францию с территории Испании, дошли до самой Луары!»*.

Через месяц немецкие подразделения СС приблизились к соседней деревне, им противостояла расположившаяся в соседнем лесу сенегальская дивизия – высокие

чернокожие африканцы. Волнуясь за Этьена, Алексеев видел в нём – одержимом театрале и коллекционере - полную житейскую беспомощность и посчитал своим долгом помочь ему бежать. Тёплой июльской ночью с крохотным фонариком и тяжёлыми вёслами, рискуя жизнью, он переправил на лодке велосипед и рюкзак Райка, плывущего беззвучно рядом в темноте, на другую сторону Луары, где французская территория была ещё свободна от немцев. Через Пиренеи Этьену предстояло пробраться в Испанию, в Магриб, потом через Португалию он переберётся в Северную Африку и вступит в свободную французскую армию.

Вскоре и семья Алексеевых покинула ферму, своё убежище, отправившись в американское консульство в Бордо за визами. Визы в США Алексеев с женой и дочкой успели получить за несколько дней до того, как немецкие войска вошли в город. У Гриневской - царский российский паспорт: её увезли из Петербурга в Париж в двухлетнем возрасте, она считалась белоэмигранткой, Светлана вписана в этот старый документ, и в нём теперь поставлена американская печать. У Алексеева – недавний нансеновский паспорт, введённый для защиты политэмигрантов в Европе. Американские визы вся семья ждала с нетерпением, а получив, отметила бутылкой шампанского. Кроме того, в Биаррице, где они проведут неделю до отъезда в США, сладёны Александр Александрович с дочкой могли полакомиться горячим шоколадом со взбитыми сливками, пропавшим в Париже ещё год назад.

Получение американских виз оказалось делом несложным: помог Блэр Баттерфорт - муж Вирджинии, родной сестры американки Клер считался правой рукой генерала Дж. Маршалла, тогдашнего начальника штаба армии США, о чем осведомлен был консул. Клер продала свой разбитый форд, чемоданы перепаковали. В США решили ехать через Португалию: немцы заняли уже весь юг Франции до испанской границы. Алексеевы с Клер отправились из Биариццы в Лиссабон на поезде, куда они приехали поздно ночью. В этом приморском городе дружный семейный «цирк» окончательно распался: его глава-художник и преданная ему Клер, вместе с любимым пуделем, пересели на

пассажирское судно «СС Эксохорд», ожидавшее пассажиров в порту. Во время девятидневного плавания они познакомились с Марией Джолас, женой известного поэта Юджина Джоласа, друга Джеймса Джойса, их маленькими дочерьми Бетси и Тиной; в Америке Джоласы станут для них многолетней поддержкой, поистине родными людьми. А Гриневская с дочерью задержались в Лиссабоне ещё на месяц: в ожидании следующего пассажирского судна «Эксамбион».

27 сентября Алексеева и Клер в Нью-Йорке на пирсе встречала мать Клер, прибывшая в порт на собственном автомобиле с шофером. Энергичная миссис Паркер, дама пуританских взглядов, немедленно заявила растерявшемуся художнику: ему придётся сделать выбор между женой и её дочерью, иначе она не сможет принимать его в своём доме. Номер в гостинице «Леннокс» для него зарезервирован. Алексеев, влюблённый в Клер, но не торопившийся принимать окончательное решение и расставаться с Александрой Гриневской, к которой был всерьёз привязан, вынужденно согласился.

2 октября, размахивая большим красным носовым платком, он встречал в порту жену и дочь. На такси все отправились с западной стороны Манхэттена на северо-восток Нью-Йорка в небольшой кирпичный дом за блестящей чёрной оградой к арт-директору журнала «Харпер`с Базаар» Алексею Бродовичу, близкому другу Алексеева по Парижу, уехавшему из Франции с женой Ниной и сыном Никитой тринадцать лет назад. В их тёплом доме Гриневской предстояло, как оказалось, жить лишь вдвоём с дочерью. Художник, торопившийся поскорее вернуться к любимой Клер, даже не зашёл в прихожую. Пройдёт несколько дней, и они улетят на западное побережье, в Неваду. Через две недели в пасмурный осенний день Гриневская с дочерью переедут в небольшую трёхкомнатную квартиру на последнем этаже пятиэтажного дома № 331 на 12 Ист стрит, на углу 66 улицы и 1 авеню, в двух кварталах от дома Бродовичей. В этой пустующей квартире, обставив её старой потрепанной мебелью, купленной на подаренные Алексеевым сто долларов, и обустроив вещами, бесплатно полученными в Армии Спасения, им предстояло прожить пять лет.

До 1941 года Алексеев с Клер обосновываются в городке Франктаун штата Невада. 20 января в графстве Вашоэ, всё в том же штате Невада, где существуют бракоразводные и брачные послабления, он официально разводится с Гриневской. А уже на другой день в Карсон Сити состоится бракосочетание, после которого Алексеев автоматически стал американским гражданином. Молодожёны проживут вместе сорок лет, по его словам, *«жизнь неправдоподобно счастливую»*. Вскоре он пришлёт дочери цветную открытку с изображением пустыни и полным оптимизма текстом: *«Дорогая Светланушка, передай маме, что в Рино всё прошло благополучно. Мы с Клер поженились и вернёмся через неделю. Надеюсь, у вас всё в порядке. С любовью, твой отец»*. Через несколько месяцев они вернулись в Нью-Йорк и поселились на Вашингтон Сквер, 18. Волнуясь за судьбу близкого друга Жака Шифрина, Алексеев разыскал его брата Симона и узнал: Жак с женой и маленьким сыном бежал от нацистов и скоро будет в Нью-Йорке. Александр Александрович никогда не забывал - именно Шифрин в своём парижском издательстве «Плеяда» выпустил «Записки сумасшедшего» и «Братья Карамазовы» с его иллюстрациями, принёсшими ему, молодому художнику, славу. Долговязый Шифрин, напомилавший Рыцаря печального образа, со шваброй в руках позировал ему для несостоявшегося тогда в Испании издания «Дон Кихота».

Вскоре молодая пара предпочла шумному Нью-Йорку пригород - уютный городок Маунт-Вернон, где поселилась на Эллвуд Авеню, 32. Они перебрались сюда, чтобы быть ближе к новым друзьям Джоласам. Узнав, что прибывшего вместе с женой Ренатой в Нью-Йорк из Северной Африки Филиппа Супо, по приказу правительства Петэна, держали там в тюрьме, Александр Александрович приглашает его к ним в Маунт-Вернон. К сожалению, Филипп постоянно ссорился с женой, пытавшейся после одного из скандалов даже покончить самоубийством, приняв смертельную дозу снотворного, но Светлана вовремя вызвала скорую помощь. Самоубийство как выход из конфликтной семейной ситуации буквально преследовало Алексева: ещё в юности, в России, он пережил

потерю старшего брата Владимира, покончившего с собой. В его иллюстрациях будет часто звучать тема самовольного ухода человека из жизни.

Гостили у художника и супруги Шифрины с сыном. В их честь хозяева устроили «русский ужин»: Алексеев купил икры, водки, Клер напекла блинов. Они пригласили ещё одну супружескую пару – Курта и Хелен Вольф, до войны возглавлявших в Германии издательство «Пантеон Букс». Тогда-то, в доме у Алексеевых и произошло немаловажное событие: решение открыть в Нью-Йорке новое издательство во главе с Шифриным и Вольфом, использовав фрагмент уже апробированного названия-бренда «Пантеон Пресс». Удачная застольная идея в том же, 1942 году, завершилась реальностью. Алексеев от «Пантеона Букс» получает заказ на иллюстрации к двум русским книгам, которые тут же отдаются переводчикам. Вскоре было арендовано небольшое здание в центре Нью-Йорка, на Вашингтон-Сквер. Неожиданно для себя здесь получает работу и Светлана, ставшая на какое-то время оператором внутренней телефонной сети, находящемся в нижнем холле издательства. А потом даже проиллюстрировала повесть про войну своей французской ровесницы Мартин Рушар *«Дневник маленькой девочки, 1940-1944»*, хотя издатели предпочитали привлекать к работе самых известных художников: кроме Алексеева, нередко получал заказы Марк Шагал.

В эти годы бывшая жена Алексеева – художница Александра Гриневская с дочерью живёт всё в той же трёхкомнатной квартире на Манхеттене. Гриневская встречается с новым другом-поляком, фотографом, по-прежнему много и грустно думает, по свидетельству Светланы, о своих отношениях с Алексеевым. Она, ещё в 1922 году открывавшая в Париже персональную выставку и иллюстрировавшая в 1929-1931 годах три французских и одну русскую книги – «Тарас Бульба» Гоголя, имевших большой успех у знатоков, снова начинает рисовать, а также делает заглавные титры фильма по заказу кампании Теннесси Вэллей Аторити. Светлана пробует себя в роли актрисы. Приехавшая в США овдовевшая Людмила Питоева, талантливейшая актриса и красавица, знакомит её со звездой киноэкрана Юлом Бриннером, и тот протезирует девушке. Во время учёбы во Французском

лицее Светлана сыграла роль крестьянки в пьесе Поля Клоделя «Благая весть Марии» в театре Барбизон, обосновавшемся на 57-й улице в западной части Манхэттена.

В восемнадцать лет Светлана Алексеева закончит в Нью-Йорке лицей, находившийся на 93-й улице в восточной части Манхэттена, и мечтает стать художником, несмотря на постоянные протесты отца, убеждённого на своём опыте: живопись не может стать надёжным источником средств для безбедного существования. Светлана много общается с ним, встречается с его друзьями, поддерживающими её желание стать художником, в том числе Филиппом Супо, переселившимся в Пенсильванию. Она приезжала к нему на Рождество, и он, со свойственным ему воодушевлением, рассказывал ей о своём увлечении историей искусства и сделанном открытии: именно любимый им итальянский художник Паоло Уччелло создатель теории перспективы в живопись! Она запомнила это на всю жизнь.

Алексеев, по предложению Бродовича, рисовал иногда иллюстрации для модного нью-йоркского журнала «Харпер`с Базаар», в котором парижский друг - арт-директор. Алексей Бродович - фигура феноменальная. О его фантастической, неуёмной изобретательности Алексеев знал ещё по Парижу. Не имея специального образования (недолго учился в петербургском Тенишевском училище), он был блистательным фотографом и даже книжным иллюстратором, они вместе сделали одну книгу и вместе как графики выставлялись. Бурным цветом таланты Бродовича расцвели и реализовались в Америке. Благодаря им, родился новый гламурный стиль глянцевых журналов, увлекший собой весь цивилизованный мир и дошедший значительно позднее до нас. Нынешние знаменитые западные фотографы и модные дизайнеры считают себя учениками Бродовича. Дизайн его журнальных разворотов и обложек изучается как авангардный учебник. Он до сих пор кружит голову. А дамы многие десятилетия одевались и украшали себя с оглядкой на соблазнительные визуальные

рекомендации «Харпер`с Бazaar». Бродович в 1967 году вернулся в Париж больным и умер в 1971 году в бедности.

Главным занятием Алексеева и Клер в любое время года была неустанная работа над новым игольчатым экраном, который они с такой любовью пестовали в Париже, где художник стал родоначальником анимационного изобретения века, изучаемого всеми кинематографистами по сию пору. Своё американское детище они потом назовут «Старым экраном» (VEC). Увлечённые экспериментаторы в 1942 году создадут прототип учебного экрана с помощью зубочисток. Главное изобретение - игольчатый экран было запатентовано в Канаде на имя Клер Паркер. Вскоре они получили первый американский контракт, это была короткая заставка (с логотипом Военного министерства США) к информационным фильмам для демонстрации в войсках за рубежом. Заставка - карта США - использовалась затем в тысячах американских пропагандистских фильмах времён Второй мировой войны в качестве титров. Контракт был заключён, скорее всего, благодаря новому американскому знакомому - продюсеру и документалисту Ирвингу Джейкоби. Имея большие связи с Канадским национальным управлением кинематографии, очевидно, именно он и свёл их с Норманом Маклареном, одним из крупнейших новаторов анимационного языка, основателем канадской анимации. Макларен оказался поклонником первого нашумевшего фильма Алексеева «Ночь на Лысой горе» и дважды приезжал в Нью-Йорк, чтобы с ним встретиться и подписать контракт. Он предложил супругам создать короткий фильм на либретто одной из национальных франко-канадских песен из серии «Народные песни». Выбранная Алексеевым песенка и стала основой лёгкой и весёлой анимационной короткометражки «Мимоходом», которую он и Клер сняли в 1944 году, используя игольчатый «Старый экран». С Маклареном супруги будут дружить всю оставшуюся жизнь и тесно сотрудничать с департаментом анимационных фильмов Национального управления кинематографии Канады. В съёмках фильма участвовала и Светлана, которую отец в это время пытался учить искусству анимации на игольчатом экране: она находилась на задней его стороне, вдавливая иголки согласно строгим отцовским указаниям.

Клер работала за игольчатым экраном – держала камеру, осветительные приборы и иные технические приспособления. Это был их третий игольчатый экран, позволяющий добиваться большей рельефности освещённым объектам, придавать большую чёткость и детальность изображению: у него была более ровная структура по сравнению с первым экраном и удвоенная насечка. Клер отвечала за съёмку, хронометраж движений, анализ и синхронизацию звуковой пленки, за составление изображений с обратной стороны экрана, рождаемых художественным чутьем Алексеева. Их имена на равных значились в заглавных титрах снятых ими анимационных фильмов. Когда появлялось свободное время, Александр изучал труды по оптике и физике. Клер он доверял как талантливому инженеру: у неё, имевшей сильную тягу к физике и математике, был диплом знаменитого Массачусетского технологического института. Алексей с удовольствием учил английский язык, столь важный для деловых контактов в Англии, США, Канаде, обращая особое внимание на просторечие, что ему доставляло удовольствие.

В это же время началась деловая дружба супругов с влиятельными американскими кинематографистами, продлившаяся на десятилетия, в том числе с пионером кинопроизводства Хелен Грейсон. Та занималась документальным кино и окончила в свое время тот же, что и Клер, колледж для девушек «Брин Мор» в Пенсильвании, дававший хорошее образование в области театра, танца, музыки, изящных искусств. Но Айрис Берри, директор департамента Кино в Музее современного искусства в Нью-Йорке, не заинтересовалась их работой и не нашла времени к ним приехать - осмотреть игольчатый экран новой конструкции. А Уолт Дисней по собственной воле вставил мультипликационную версию «Ночи на Лысой Горе» в свой полнометражный музыкальный мультипликационный фильм «Фантазия».

В 1942 году Алексей изобретает новую технику, позволяющую передавать эффекты объёма и цветовой гаммы, работу со смещением, которую даёт «нежная гравировка» – гравировка методом электролиза, и новую технологию цветной

печати. В 1946 году с помощью Эдмона Ригаля, владельца гравировальной мастерской в Париже, офортиста и опытного химика, с которым художник так успешно до войны сотрудничал, теперь жившего в Нью-Йорке, развивает и оттачивает технику электролитической гравюры и печати валиком – этот метод в дальнейшем будет использован им при создании иллюстраций к «Слову о полку Игореве», заинтересуется им и художник и теоретик искусства, англичанин Стэнли Вильям Хейтер, основатель парижской школы современной графики Ателье 17.

Супруги много путешествовали, в Канаде проехали по всей стране, в США - на юг вплоть до Калифорнии, проплыли речным круизом «по маршруту Марка Твена» вниз по Миссисипи, съездили в Балтимор – отдать дань уважения одному из любимых с юности писателей Алексеева Эдгару Аллану По, посетили его могилу. А летом начиналась совсем другая жизнь. Вместе с друзьями они арендовали дом в американской глубинке, в штате Коннектикут, на живописном берегу озера Уарамог. Рядом снимал дачу Макс Эрнст и располагался просторный дом, переоборудованный из бывшей фермы, Александра Колдера (1898-1976), продолжавшего и здесь заниматься своими мобилями, проволочными кинетическими скульптурками, приходившими в движение даже от лёгкого ветерка. Он в юности, как и Клер, учился на инженера в Технологическом институте. В 1926-1927 годах жил в Париже, посещал, как и Алексеев, художественную академию Гранд-Шомьер и даже открыл собственную студию в районе Монпарнаса.

Колдер входил в тот же круг сюрреалистов, что составили славу мирового авангарда. Теперь, спустя годы, неутомимый изобретатель любил собирать в своём доме на озере старинных парижских друзей, бежавших в Америку от войны в Европе. Половину дома занимала мастерская с гигантскими окнами. Здесь супруги Алексеевы могли часами общаться с Андре Бретоном, и с Фернаном Леже, Андре Массоном, «пуристом» Амеде Озонфаном, с Антуаном де Сент-Экзюпери, блестящим собеседником. Русский среди всех них был один –

Александр Алексеев. Детей, любивших подолгу играть в саду между высоких деревьев, неизменно угощали сладостями и напитками, взрослых – кое-чем покрепче. Повсюду царил атмосфера игры. Колдер, этот высоченный мужчина, как его описала в своих воспоминаниях Светлана, с огромными руками и красным лицом, всем другим одежаниям, предпочитавший ярко-малиновую рубашку, восстановил в мастерской свой «миниатюрный цирк», изобретённый им ещё в Париже. За большим холщовым занавесом он обустроивал посыпанную опилками платформу размером с журнальный столик. Тремя громкими ударами палки о пол извещалось о начале представления. Арену освещал яркий прожектор, из старого граммофона слышались звуки фанфар. На импровизированной арене происходило то, что спустя десятилетия назовут «перфомансом», появлялись плоские проволочные слон, акробат на трапеции, обезьяна со шваброй. Забавное представление повторилось и на второе лето на озере Уарамог. Новым участником стал крошечный лев, после того, как он покидал арену, обезьянка появлялась с совком и крохотным вёдрышком и убирала за ним. К потолку подвешивались изысканно-лёгкие из разноцветных пластин «живые скульптуры», фигуры-маятники, с привязанной к одному из них маленькой проволочной фигуркой акробатки в розовой пачке.

Глядя на Колдера, как-то летом Джоласы и Алексеев с Клер тоже увлеклись творческими играми. Это называлась на скучном взрослом языке «установить месячное дежурство по чужим детям». Юное сообщество собралось на редкость талантливое: начинающий музыкант Бетси и её сестра, юная поэтесса Тина Джолас, маленькие художницы Клер и Сильвия (дочери голландского художника-витражиста Никола) и неутомимый шестилетний фантазёр Клод Дютуи, внук Анри Матисса, сочинительница романтических писем Аня (младшая из дочерей актрисы Людмилы Питоевой) и шестнадцатилетняя Светлана Алексеева, рисующая всегда и везде. С этой пёстрой и шустрой командой Алексеев сначала поставил спектакль, затем – снял немой фильм. И сам с удовольствием сыграл роль жестокого пирата, вонзающего нож в грудь жертвы в исполнении Тины Джолас.

Ещё более захватывающим делом оказалось для детей издание журнала. Назвали его торжественно - «Марсий», по имени древнегреческого сатира, игравшего на флейте и вызвавшего на музыкальную дуэль самого Аполлона. В авторы приглашались взрослые, а иллюстрации рисовали сами. Подготовленных за два лета десять номеров «Марсия» удалось напечатать и организовать продажу в нью-йоркском книжном магазине «Брентано».

Неожиданное обстоятельство тесно сближает Алексева с Россией, охваченной страшной войной. Он попадает в сердцевину старой русской народной жизни, от которой всегда был достаточно далёк. Шифрин предлагает ему иллюстрировать «Рассказы и легенды» Л. Толстого, а потом - русские народные сказки из собрания А. Афанасьева. «Рассказы и легенды» выйдут в Нью-Йорке в 1943 году в переводе Луизы и Алимера Мауд. «Русские волшебные сказки» - первым изданием в 1945-м. (Его работы нами проанализированы ниже в «После Словиях»).

И всё же супруги не чувствовали себя в США как дома, хотя Клер сохранила американское гражданство на всю жизнь. Алексеев, вернувшись в Париж, откажется от американского гражданства, через несколько лет став гражданином Франции. Живя в США, он не принял американский прагматизм, излишнюю, по его представлениям, деловитость. В самом начале 1947 года супруги вернулись во Францию, в опустевшее пространство мастерской с крохотной кухней на авеню де Шатийон (ныне – Жан Мулэн, 14 округ Парижа, недалеко от бульвара Периферик). Здесь они прожили до конца своих дней. А вот транспортировка их уникального изобретения оказалась настоящей проблемой: гигантский игольчатый экран пришлось разбирать на части и упаковать в специальный ящик. В парижском ателье Клер пришлось быть поварихой, посудомойкой, хозяйкой в доме и секретаршей мужа, его менеджером и бухгалтером, садовницей и шофером. Она выучила русский язык, чтобы читать с ним вслух по вечерам дорогую для него русскую классику. Кроме игольчатого экрана и любимого пуделя, они захватили с собой картины Светланы и узкую кровать офицера

британской армии, на которой любил отдыхать Алексеев, вернувшись в Париж. Именно на ней предстояло ему по своей воле погрузиться в августе 1982 года в вечный сон.

Мундт Лариса Анатольевна⁵⁶

Страна снега и льда. Стереотипы в восприятии России в швейцарских немецкоязычных газетах за период Второй Мировой войны (1941-1945) гг.

1) Швейцарская немецкоязычная пресса в годы Второй мировой войны.

2) Определение понятия «стереотип». Определение стереотипов о России, актуальных в прессе Швейцарии в последние 100 лет (с использованием историографии и современной газетной периодики): "огромная страна", "страна снега и льда", "владыка в Кремле", "азиатская держава", "загадочная русская душа", "колосс на глиняных ногах".

3) Стереотипы об СССР от заключения пакта Молотова-Риббентропа до начала Великой Отечественной войны.

Красный Царь - Большевицкий Диктатор - Сталин, красная советская аристократия, большевизм - красная угроза и иллюзия, русские - рабы режима. С советско -финляндской, «зимней войной» актуализация стереотипа - колосс на глиняных ногах.

4) Стереотипы в годы Великой Отечественной войны (до отказа в восстановлении дипломатических отношений) - военная советская машина, загадочная русская душа. Тимошенко — становится устойчивым стереотипом в восприятии Красной Армии в Швейцарии.

---

56. Соискатель (РГГУ, кафедра истории России новейшего времени).

5) Русский сфинкс — загадочен и опасен. Восприятие СССР после отказа в восстановлении дипломатических отношений с Швейцарией.

Федоров Павел Викторович⁵⁷

СССР и мир в эпоху холодной войны: личные впечатления по дневникам и письмам советских моряков

1. Литературные источники личного происхождения в среде моряков (записки путешественников, дневники, личные письма, мемуары) – фактически уже классический жанр, имеющий глубокие традиции в мире и самой России, где они восходят еще к Афанасию Никитину (XV век). Не прерывалась данная традиция и в советское время, в эпоху холодной войны.

2. В нашем распоряжении оказался ряд документов советских моряков заграничного плавания: 1) дневник моряка плавучей китобойной базы «Слава» Кима Зиновьевича Беленковича о плавании в районе Антарктики, Уругвая, Атлантическом океане и Средиземном море с заходом в иностранные порты за 1956 г.; 2) дневник моряка Черноморского морского пароходства Геннадия Григорьевича Шевелева о плавании в районе Кубы, Атлантическом океане и Средиземном море за 1967-1970 гг.; 3) архив личных писем электромеханика Мурманского тралового флота Виктора Ивановича Федотова из Северной Атлантики, района Канады и Исландии, за 1971-1975 гг. и его же письма из Ливии за 1983-1984 гг., где он находился в специальной командировке в составе группы советских специалистов, а также письма к нему членов его семьи.

3. Первый документ, как следует из предисловия к нему, изначально создавался с целью публикации в советской печати и поэтому несет на себе определенное влияние идеологического заказа. Второй документ был создан автором, также

---

⁵⁷ Доктор исторических наук, профессор, Международный банковский институт (г. Санкт-Петербург).

имевшим склонности к литературному труду, сочинявшим прозаические произведения. Третий источник в виде коллекции писем носит исключительно личный характер, не предназначался для публикации и поэтому представляет наибольший интерес для выявления именно личных (сокровенных) впечатлений.

4. Дневники и письма советских моряков эпохи холодной войны позволяют обнаружить:

а) противоречивые образы «капиталистического мира»: с одной стороны, совпадающие с официальным образом советской пропаганды (проституция, инфляция, дороговизна, безработица, контрасты); с другой стороны, не совпадающие с ним («Очень часто смотрим канадское телевидение... Все смотрящие ожидают секса, но его, конечно, нет и близко», дружелюбность местного населения, отзывчивость иностранных специалистов);

б) противоречия самой субкультуры советских моряков: с одной стороны, соблюдение, даже в узком кругу, советских праздников, декларативное поддержание авторитета коммунистической идеологии; с другой стороны, нацеленность на высокие заработки, мотивация на приобретение дефицитных товаров в зарубежных магазинах, признание качества советской бытовой техники более низким по сравнению с произведенной за рубежом, желание привести родственнице православный крестик, пренебрежение некоторыми дисциплинарными инструкциями (в частности, в отношении употребления алкоголя);

в) размытость образа холодной войны в сознании советских моряков (столкновение советского судна с иностранным трактуется не в пользу СССР; агрессивность американского флота и авиации рассматривается скорее иронично, чем озабоченно; американская культура интересует; политзанятия кажутся малоактуальными); холодная война наиболее четко проступает только в детском рисунке военно-морского боя (с участием советских судов и самолетов), отправленном сыном отцу в море, поскольку в советских реалиях детское

сознание оказывалось, видимо, самым восприимчивым потребителем пропагандистской продукции.

5. Морские дневники и письма являются весьма содержательным источником для исследования проблемы взаимовосприятия культур. Однако серьезным препятствием становится трудность обнаружения самого источника, чаще всего находящегося в руках частных владельцев.

Литвиненко Владимир Аркадьевич⁵⁸

Знакомство со «Старым Медведем»: визиты Черчилля в Москву в 1942 году и его впечатления о Сталине

В августе 1942 г. в Кремле состоялась первая встреча премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с Председателем Совета Министров СССР И.В. Сталиным, где лидеры двух государств обсуждали причины, по которым откладывалось обещанное англо-американскими союзниками открытие «второго фронта» в Европе. Общение со Сталиным произвело на У. Черчилля сильное впечатление, о чём он неоднократно упоминал впоследствии. При этом он был убеждён, что многого добился для установления с советским вождём «непринужденных и дружелюбных отношений», несмотря на то, что привёз в Москву «разочаровывающие сведения».

Черчилль был опытным политиком и умелым манипулятором. Но «кто кого переиграл» и «показал себя лучшим психологом», становится очевидным, когда сравниваешь информацию о данном событии и его последствиях, изложенную разными людьми. Хотя это всего лишь их личные впечатления.

---

⁵⁸ К.ф.н., доцент кафедры истории МПГУ.

Сдвижков Олег Владимирович

Какими увидел советских солдат главный врач городской больницы Кенигсберга в апреле 1945 г.: "Восточно-Прусский дневник. Записки одного врача 1945-1947" Ганс Граф фон Лендорф

В работах значительного количества англоязычных авторов факты девиантного поведения части советских военнослужащих в отношении мирного населения Германии рассматриваются как основное содержание событий на советско-германском фронте в 1944-1945 гг. Для доказательства этого тезиса широко используются личные дневники участников событий или воспоминания. В статье проведено сопоставление фактов, приведенных в дневнике Ганса фон Лендорфа с реальными событиями, зафиксированными в документах советских воинских частей, участвовавших в штурме Кенигсберга. Показана ущербность аргументации автора, построенной на подлогах доказательной базы.

Сенявская Елена Спартаковна⁵⁹

«Русские, в отличие от поляков, великодушны и добры...»: немецкие письма 1945 года о положении в советской зоне оккупации

Среди недавно рассекреченных документов Центрального архива Министерства обороны РФ особый интерес вызывают спецсообщения советской военной цензуры по материалам перлюстрированных писем немецких граждан своим родственникам, где подробно и нелюбопытно рассказывалось о том, что происходило между немцами и поляками в местах их совместного проживания на территории Восточной Пруссии, Силезии и Померании сразу после окончания войны, летом и осенью 1945 г., и сравнивалось отношение к немецкому гражданскому населению со стороны советской военной администрации и новых

---

⁵⁹ Д.и.н., проф., в.н.с. ИРИ РАН.

польских властей при передаче ряда германских территорий под юрисдикцию Польши.

Власов Алексей Владимирович⁶⁰

«Русские в Берлине»: индивидуальная рецепция оккупации Германии советскими военнослужащими в 1945-1949 гг.

Главной точкой отсчета современной реальности является 1945 год, создавший новый геополитический порядок и давший новые импульсы социальным и гуманитарным процессам. Час «ноль» как начало абсолютно нового этапа в истории только настал и разделил мир на победителей и побежденных.

Во время союзнической оккупации в Германии функционировала Советская военная администрация. Её деятельность за 1945-1949 гг. осуществляли около 100 тысяч советских граждан, оставленные на службу после войны или присланные из тыла для временного управления Восточной Германией. Жизнь этих людей в Германии, в совершенно ином культурном контексте, их аккультурация и преодоление языкового (и культурного) барьера, эволюция восприятия Другого и индивидуальное осмысление своего места в этой социальной реальности представляет собой уникальный опыт, предопределивший взаимовосприятие и взаимоотношения немецкого и советского обществ в XX веке.

Знакомство советских военнослужащих с «новым миром», которым являлась Германия, выявило серьёзную диспропорцию между его довоенными образами, которые в большинстве случаев были только частью коллективной памяти, и послевоенными, которые уже фиксировались в первую очередь в индивидуальной памяти. Эти вариативные и прихотливые формы социального и духовного диалога обрисовывают структурирование живого симбиоза, просуществовавшего в разных формах на протяжении почти полувека.

---

⁶⁰ Магистр 2 курса (профиль: Исторический феномен России: государство, общество, регионы) Института истории и международных отношений СГУ им. Н.Г. Чернышевского. г. Саратов.

Воспоминания советских военнослужащих зафиксировали личностный опыт восприятия и освоения ими нового пространства в ответственное для них время. Этот опыт по-своему уникален и в то же время отражает некоторые закономерности: эта вторичная социализация (аккультурация) имела общие объективные условия для трансформации взглядов военнослужащих на многие вещи, так же она способствовала выработке собственного отношения и личного мнения о них. Мир советского человека значительно расширился, культура приобретала всё новые и новые горизонты.

Для военнослужащих СВА «открытие» Германии и выявление её особенностей и отличий от советской действительности не было одноактным событием. Специфические особенности прохождения военной службы в Германии с 1945 по 1949 гг. и вживания в немецкую действительность советских военнослужащих создали неоднозначные условия для рецепции инокультурной среды. С одной стороны, наличие постоянного контакта с представителями западных оккупационных сил, совместное проживание с немецким населением, налаженный быт, относительно свободное распространение информации и пространство выбора, возможность потребления западных товаров, услуг и культурных ценностей, проявление своей творческой сущности в налаживании мирной жизни и общении с общественными деятелями Германии позволяли сотрудникам считать эти годы кульминационным пиком жизни. С другой стороны, удалённость от Родины и дома, усугубленная длительным разрывом с родными и близкими, культурным шоком от общения с населением и условиями жизни в Германии, усиление опеки государства для защиты идеологической и моральной чистоты советского человека в 1946-1949 гг. заставляли других воспринимать свое пребывание в Германии как неблагоприятный отрезок жизни, а порой даже и переломный.

Олимпийские Игры: впечатления Николая Романова

Сразу после 2-й мировой войны советский спорт активно выходит на международную арену, но впервые СССР участвует в Олимпийских играх лишь в 1952 г., на летних играх в Хельсинки. История участия СССР в олимпийском движении изучена достаточно обстоятельно, однако восприятие этого события советскими руководителями еще не стало предметом специального внимания историков. В этом историографическом контексте большой интерес представляют воспоминания Николая Николаевича Романова, который с 1945 по 1962 год (с небольшим перерывом, когда был понижен до заместителя) был председателем Комитета по физической культуре и спорту при Совмине СССР. Его мемуары издавались дважды: в 1987 г. («Трудные дороги к Олимпу») и в дополненном и расширенном варианте в 1993 г. («Восхождение на Олимп»).

Мемуары Романова хорошо передают внутривластную обстановку, в которой принималось решение об участии СССР в Олимпийских играх. Возвращение советского спорта в олимпийское движение происходило в условиях «холодной войны», что не могло не наложить сильнейший отпечаток на восприятие выступлений советских спортсменов как на советских вождей (Сталина, Маленкова, Ворошилова и др.), так и на личные впечатления и оценки достижений и неудач спортсменов самим Романовым.

Данные этих мемуаров сопоставляются с архивными документами Спорткомитета и материалами Совета министров и ЦК ВКП (б).

Галимова Яна Дмитриевна⁶²

---

61 Д.и.н., в.н.с. Центра по изучению Отечественной культуры ИРИ РАН.

62 Преподаватель лицея № 11, г. Челябинск.

Многоликая Япония: конструирование образа и личное восприятие страны в 50-70-е гг. XX в. по материалам мемуарных источников

Формирование образа Японии в советском обществе в послевоенные десятилетия происходило под влиянием крайне непростых объективных обстоятельств - биполярность международных отношений, фактическая удаленность советского руководства от участия в проведении послевоенных реформ в Японии, отсутствие мирного договора, территориальный спор, партийные установки и инструкции, господствующая в обществе марксистско-ленинская идеология и т.д. В докладе анализируются и субъективные факторы, оказавшие влияние на моделирование образа Японии. Серьезный пласт источников личного происхождения позволяет выделить как типичные, так и уникальные составляющие образа страны. Типичные потому что советским интеллигентам 50-х, 60-х, 70-х годов пришлось проходить через сходные эпизоды жизни: студенчество, комсомол, аспирантура; финальные годы сталинизма, хрущевская оттепель, брежневский застой; работа, связанная с Японией в определенных, но часто пересекающихся направлениях (дипломатическая служба, научная деятельность и/или журналистская работа). В то же время уникальное в моделировании образа связано с неповторимой судьбой каждого побывавшего в Японии и оставившего в своих воспоминаниях богатейшие впечатления незаурядного опыта и восприятия страны.

Так, в «Записках япониста» Г.Е. Комаровский (находился на дипломатической службе и завершил ее в должности генерального консула в Осака) представлял японское общество, прежде всего связывая его развитие с эстетическим началом, которое, по его мнению, пронизывало все стороны и уровни японской цивилизации. А вот в мемуарах И.А. Латышева «Япония, японцы и японоведы», находившегося в Японии в общей сложности 15 лет в качестве собственного корреспондента газеты «Правда», представление о Японии в большей степени формировалось под влиянием происходивших в обществе социально-экономических и политических событий.